

ред. В.П.Безобразова. – Т. 6. – Спб., 1878. – 476 с. – С. 161–242.

34.Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях : Рассуждение, представленное для публичной защиты на степень доктора / И.Т.Тарасов. – К. : Университетская типография И.Завадского, 1878. – 706+50+VI с.

35.Тернер Ф.Г. Акционерные общества / Ф.Г.Тернер // Сб. государственных знаний под ред. В.П. Безобразова. – Т. 2. – Спб., 1875. – 785 с. – С. 60–85.

36.Тернер Ф.Г. Сравнительное обозрение акционерного законодательства / Ф.Г.Тернер. – Спб., 1871. – 273 с.

37.Цытович П. Очерки основных понятий

торгового права / П.Цытович. – К., 1886. – 248 с.

38.Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России / Л.Е.Шепелев. – Л.: Наука, 1973. – 348 с.

39.Шершеневич Г.Ф. По изданию 1907 г. / Г.Ф.Шершеневич. – М.: Фирма «СПАРК». 1995. – 556 с.

40.Alchian A.A., Demsetz H. The Property Right Paradigm // The Journal of Economic History. Vol. 33. № 1 (March 1973). P. 16-27.

Статья поступила в редакцию 06.05.2010

А.А. СУРЦЕВА, к.э.н.,

Кемеровский государственный университет

СПЕЦИФИКАЦИЯ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРАКТА В РОССИИ

Провозглашенный на постсоветском пространстве переход к рыночной экономике объективно потребовал пересмотра функций государства, выстраивания отношений контрактного типа с другими экономическими субъектами и соответствующей правовой системы. От решения этой задачи зависит то, какая система прав собственности будет создана в национальной экономике. В этой связи многие исследователи отмечают, что сложившаяся система прав собственности существенно отличается от системы, сформированной в странах с развитой рыночной экономикой. Наиболее острыми проблемами в этом плане признаются проблема незавершенности процесса спецификации прав собственности и активного постоянного участия государства в распределении и перераспределении этих прав, что проявляется в проблеме нелегитимности сформировавшейся крупной частной собственности.

Вопросы политического рынка и взаимосвязи экономики и политики, лежащие в основе теории общественного выбора и теории прав собственности из множества проблем, связанных с государством, являются наиболее исследуемыми. Оригинальные исследования с использованием российских эмпирических материалов ведут в этом направлении В. Мау, В. Найшуль, С. Афонцев, А. Олейник,

С. Кордонский¹. Проблемам хода приватизации в России и ее последствий посвящены работы таких авторов, как С. Афонцев, Т. Бердникова, С. Бурков, Л. Бызов, И. Васильев, Е. Дерябина, М. Лямин, Р. Нуреев, Р. Рывкина, Дж. Стиглиц и др².

¹ См. напр.: Мау В. Правовая база экономической реформы: проблемы устойчивости. // Вопросы экономики. – 1998. – № 8. – С. 85 – 96.; Найшуль В. Либерализм и экономические реформы // МЭ и МО. – 1992. – № 8. – С. 69 – 83.; Афонцев С. А. Методологические основы современного экономико-политического анализа. // Истоки. – № 3. – М., 1998. – С. 72 – 122.; Олейник А. Н. Роль государства в установлении прав собственности // МЭ и МО. – 2003. – № 7. – С. 52-61.; Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России.– М.: ОГИ, 2000.– 240с.

² См. напр.: Бурков С., Буркова С., Медведев В., Райков Г. «Чубайсовская приватизация». Реформа собственности в России: что дальше? – М.: ОПОО «Регионы России», 1999. – 86 с.; Васильев И.А. Политика и экономика: современные особенности их взаимодействия. – М.: Издательство Российской Национальной Академии Управления и Прогнозирования, 2002. – 352 с.; Нуреев Р.М. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России, 2001, №3. – С. 47 – 52.; Бердникова Т.Б., Лямин М.А. Социальные последствия приватизации // Социс. – 2001. – №1. – С.60-69.; Рывкина Р.В. Драма перемен. – М., 2001.; Бызов Л.Г. Первые контуры постпереходной эпохи // Социс. – 2001. - №4. и др.

Достижения экономической теории в изучении различных институциональных аспектов развития государства задают основу для анализа процессов формирования эффективной системы прав собственности в России. Вместе с тем многие вопросы, связанные с изучением проблем спецификации прав в России, пока не стали предметом специального исследования. В рамках институционального направления существует возможность и необходимость изучения проблем спецификации прав собственности в комплексе с вопросами формирования социального контракта и контрактного государства в России, поскольку решение этих проблем имеет существенное теоретическое и теоретико-прикладное значение.

С точки зрения обозначенного направления исследования специфику сложившейся системы прав собственности в России следует рассматривать исходя из специфики сложившегося социального контракта. Гипотеза данной работы такова, что существующая незавершенная спецификация прав собственности в России и устойчивость такой системы прав связана с наличием вертикального социального контракта в стране, при котором нет активных субъектов, которые были бы заинтересованы в полной спецификации прав.

Рыночная экономика требует формирования контрактного государства. В этом смысле становление рыночной экономики и контрактного государства являются единими процессами. «Контрактное» государство рассматривается не как «идеальная» модель, а как определенная стадия развития государства, характеризующаяся преобладанием контрактных начал. Утверждение *контрактных начал в государстве* предполагает вовлечение большинства населения страны в политический процесс как в форме их непосредственного участия, так и через представительство их интересов созданными ими организациями.

Утверждение демократических институтов создает формальные рамки для укрепления контрактных начал во взаимоотношениях подданных и государства, что расширяет возможности для утверждения экономически эффективной системы прав собственности. Однако формальные демократические институты еще не гарантируют эффективного функционирования политических рынков. Под *эффективным политическим рынком* понимается такой рынок, который способен обеспечить полную спецификацию прав собственности. С точки

зрения институциональной теории важнейшая роль в спецификации и защите прав собственности отводится государству. Эти институты (права собственности) очень важны, т.к. с их созданием связывается генезис государства. Без них не мыслимо само существование рыночного хозяйства.

Естественным является то, что обмен правами собственности не может происходить, если права собственности не специфицированы и не защищены. Поэтому любой обмен правами собственности «...предполагает наличие того или иного гаранта – лица, группы лиц или иного социального института, который выполнял бы роль субъекта, фиксирующего, признающего и защищающего перераспределенные между партнерами права собственности на предмет сделки»³. В качестве такого гаранта могут выступать сами участники рыночной экономики. Однако подобный путь спецификации и защиты прав собственности не является эффективным, так как в подобном случае происходит отвлечение части ресурсов от непосредственно производственной деятельности. Кроме того, отдельные участники рыночного хозяйства не имеют стимулов самостоятельно решать такую проблему, так как выгоды от занятия данной деятельностью могут быть значительно ниже издержек. Следовательно, возникает необходимость в некоем гаранте соблюдения прав собственности. Таким гарантом как раз и оказывается государство.

Согласно институциональной модели государства Д. Норта, *государство* – это организация, обладающая сравнительными преимуществами в осуществлении насилия, располагающимися на географический район, границы которого зависят от способности правителя облагать налогом подданных. «Становление государства... означает становление и неравномерного распределения силы принуждения»⁴. Такое определение государства тесно связано с трактовкой природы государства, предложенной М. Вебером, как монополии легитимного насилия. Его подход интересен тем, что позволяет выделить два аспекта государст-

³ Тамбовцев В.Л. Государство и переходная экономика: пределы управляемости. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1997. – С. 111.

⁴ Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS – 1993. – том 1. – Вып.2. – С.72.

ва: содержательного и структурного⁵. Содержательный или субстантивный аспект формирования государства заключается в создании организационных структур, обеспечивающих его монополию на применение силы и сбор налогов. Структурным же аспектом в формировании государства является достижение последним публичного статуса, т.е. реализация претензий на служение общественным, а не частным интересам, на статус безличной общественной или публичной организации. Данное положение означает, что в обществе формируются устойчивые ожидания о поведении государства, соответствующем его статусу представителя публичных интересов. Эти ожидания носят взаимный характер, т.е. разделяются как рядовыми членами общества, так и представителями самого государства, задавая рамочные условия их взаимодействия. Таким образом, вопрос о возникновении контрактного государства связан с вопросом формирования социального контракта. Под *социальным контрактом* понимается групповое имплицитное соглашение о распределении прав и обязанностей между государством и населением. Государству дается право на использование силы в форме налогообложения, установления законопорядка и поддержание его, а населению дается право на контроль за деятельностью государства и участие в решении важных экономических и политических вопросов в стране путем создания организаций, отстаивающих их интересы на торгах политического рынка. При этом данное соглашение может закреплять вертикальную или горизонтальную контрактацию в обществе.

Идея государства как гаранта «общественного договора» или социального контракта восходит к Т. Гоббсу и Дж. Локку. Тогда же были сформированы два основных подхода к теории социального контракта, которые условно можно обозначить как подход Т. Гоббса и подход Дж. Локка. Для первого из подходов характерно представление о вертикальной социальной контрактации, второму соответствует горизонтальный социальный контракт. Со-

гласно Т. Гоббсу⁶ люди по природе своей равны в праве на сохранение своей жизни и на свободу. Социальное взаимодействие между ними рассматривается как взаимодействие однородных, но разнонаправленных атомов. Одновременные действия множества таких человеческих «атомов» характеризуются Т. Гоббсом как «война всех против всех». В дальнейшем на эту конструкцию естественного социального состояния накладываются психологические ссылки на страсть людей к соперничеству, славе, недоверие друг к другу и т.д. Поскольку состояние «войны всех против всех» оказывается небезопасным и неустойчивым, человеческий разум стремится каким-то образом упорядочить его, добиваться мира и следовать ему. И это также является «естественным законом» в противовес естественному праву каждого на свободу. Но при установлении согласия между людьми каждый человек должен отказаться от части своей свободы по отношению к другим людям так же, как и они отказываются по отношению к нему. Возникает общественный договор, который поддерживается страхом перед силой, превосходящей индивидуальные или групповые силы. Эту силу олицетворяет государство (Левиафан) – гарант всех договоров и мирного существования, с мощью которого ничто не может сравниться. Ему люди отдают право карать, наказывать во имя мира и общей защиты. Таким образом, для *вертикального социального контракта* свойственно наличие изначально неравноправных участников договора, государство в таком контракте стоит над другими организациями и индивидами. Власть государства над населением, подданными практически полная. Единственное право, которым они обладают – это право бороться за свою жизнь. При таком типе социальной контрактации спецификация прав собственности будет осуществляться непосредственно государством, которое будет насаждать их сверху. Следовательно, такие права собственности будут затрагивать лишь те сферы деятельности, которые, по мнению государства, требуют спецификации прав, не ограничивая его монополии на насилие, а значит, лишь в определенных границах будут удовлетворять интересы населения.

Подход Дж. Локка отличается от подхода Т. Гоббса тем, что при *горизонтальном социальном контракте* все его участники равны

⁵ Развернутый анализ данной проблемы, сделанный при опоре на современные зарубежные источники содержится в работе: Волков В. Силовое предпринимательство. – СПб., М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Ленинград, 2002. – гл. 8, С. 226 – 240.

⁶ См.: Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения. В 2-х т. – М.: Мысль, 1991, Т. 2. – 133 с.

и государство является специально созданной структурой для представления и защиты интересов всего населения. Государство по Дж. Локку «обязано править согласно установленным постоянным законам, провозглашенным народом и известным народу, а не путем импровизированных указов»⁷. Кроме того, население имеет право лишить правителя его власти и заменить его другим в том случае, если правитель не выполняет своих обязанностей, связанных с производством общественных благ.

Таким образом, целевая функция государства в условиях вертикального социального контракта свободна от контроля со стороны населения. При горизонтальном социальном контракте содержание целевой функции абсолютно противоположное, в ней преобладает «агентская» составляющая, поскольку контракт содержит механизмы общественного контроля за деятельностью государства. В идеальной же модели оно представляет интересы только населения страны, структурированного в группы интересов. Соответственно при таком типе социального контракта спецификация прав собственности будет осуществляться по принципу компромисса разнообразных интересов населения, при контролирующей роли государства, а значит, будет касаться разнообразных сфер деятельности и способствовать более эффективному распределению ресурсов.

На основе двух подходов к социальному контракту базируется различие моделей государства в неинституциональной экономической теории. Дж. Бьюкенен рассматривает контрактное государство как организацию, встроенную в контрактные взаимосвязи горизонтального типа, а М. Олсон обосновал, что даже в эксплуататорском государстве, с присущими ему взаимосвязями вертикального типа, авторитарный правитель способствует росту благосостояния населения и экономическому росту в стране. В силу сказанного показатели результативности государства при двух разных типах социального контракта могут быть близки по своим значениям. Однако структура и характер спецификации прав собственности будет различным в условиях горизонтального и вертикального социального контракта.

В этой связи возникает вопрос о типе со-

⁷ Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения В 3-х т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 336.

циального контракта присущего современной России. Возникшее в процессе распада Советского Союза российское государство, как отмечает широкий круг исследователей, сохранило традиционно авторитарный характер. Реально оно контролировалось достаточно узкой по составу «правлящей группой», преемницей высшей советской номенклатуры. «Правящая группа» – это группа лиц, обладающая высшей государственной властью, берущая на себя функции формулирования общественных интересов и определения на этой основе целевой функции государства (в рамках научной литературы представлен близкий по содержанию термин «суперэлита»⁸). «Правящая группа» позиционировала себя в качестве силы, призванной осуществить либеральные реформы и вернуть страну в сообщество «цивилизованных» стран. Эта установка является традиционной для всех отечественных реформаторов, начиная с Петра I. Формальной и постоянно декларируемой целью российских реформаторов было построение контрактной модели государства в ее классическом варианте. То есть в стране предполагалось проведение крупномасштабных либеральных реформ, которые бы до основания разрушили прежний советский строй. При этом данная цель оказалась созвучной требованиям так называемого «Вашингтонского консенсуса».

Реализация рекомендованных «Вашингтонским консенсусом» мер предполагала существование «автономного» правительства, способного осуществить «непопулярные, но необходимые реформы». Такое правительство должно было состоять из технократов от политики, ориентированных не на следование своим частным интересам, а на осуществление рыночных преобразований в интересах роста эффективности экономики.⁹ Идея «правлящей группы» заключалась в нахождении лояльности со стороны населения и удаление своих конкурентов с альтернативными проектами через быстрый переход к рыночной экономике и гражданскому обществу. Тем самым, она представляла собой авторитарную, но слабую

⁸ Яковлев А.А. Агенты модернизации. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. – 426 с.

⁹ См.: Афонцев, С. А. Рыночные реформы и демократический процесс // Государство, экономика, общество: аспекты взаимодействия. – М.: Московский общественный научный фонд: Издательский центр научных и учебных программ, 2000. – 136 с.

власть, так как не имела поддержки и одобрения большинства населения страны.

По сути, в России была предпринята попытка «неконтрактного» насаждения рыночной контрактной экономики с формированием «малого» государства в модели «невидимой руки». Следует отметить, что Россия в данном плане не отличается от ряда других стран, где так же происходило реформирование демократического общества и рыночной экономики силовыми методами, то есть сверху. Различия между этими странами и Россией кроются не в том, как устанавливался новый порядок, а в том, на какой почве, институциональной среде осуществлялись реформы. Так, институциональная среда России отличается от институциональной среды, например, республик Латинской Америки. Хотя политической культуре развивающихся стран свойственна, как и России, все та же слабость демократической легитимности и низкая степень осознания населением и индивидами своих политических прав, нестабильность политической системы этих стран коренится в слабой управляемости и координации субъектов политической игры между собой. Институты власти настолько разобщены, что могут претендовать (например, армейское руководство) на высшую властную позицию (например, путем путча), хотя сама эта властная позиция не способна держать страну под полным властным контролем и не осуществляет на самом деле высшую власть. Российская политическая традиция, напротив, отличается высоким уровнем концентрации власти, которая в разные исторические эпохи всегда находила новые формы организации¹⁰.

Проведение реформ сверху без какого-либо согласования с населением объяснялось тем, что большинство населения ничего не знает и ничего не понимает, а сильное автономное правительство знает, что и как делать во благо всего общества. Известно, что развитие демократии, формирование ее базовых институтов рассматривалось российскими реформаторами «первой волны» в качестве одной из главных целей трансформации советского государства. По формальным признакам можно говорить о значительном прогрессе. Действительно, в 90-х гг. в России принята новая Конституция, сформировано Федеральное Собрание, легитимацию через выборы прошли Президент и все главы администраций регио-

¹⁰ См.: Игошин И.Н. Институциональные искажения в российском обществе. – М., 2003. – 151 с.

нов. В стране возникло и действует несколько десятков политических партий, имеется свободная пресса, борются за интересы трудящихся профсоюзы, лоббируют нужные им решения предпринимательские объединения. Иначе говоря, с формальной точки зрения в России появились все атрибуты демократии.

Основной проблемой, рассматриваемой большим числом экономистов, является несоответствие и даже противоположность получаемых результатов реформ первоначально ожидаемым. Пожалуй, наиболее ярким примером здесь является постепенная эволюция представлений о роли и следствиях преобразований в структуре собственности на хозяйственные активы. В начале широкомасштабного развертывания реформ приватизация рассматривалась в качестве основной меры от неэффективности использования ресурсов, присущей плановой системе. Однако с течением времени эти представления были существенно скорректированы. Притом, что необходимость приватизации с точки зрения создания фундамента рыночной экономики практически не подвергается сомнению, результаты подавляющего большинства проделанных к настоящему времени эмпирических исследований свидетельствуют об отсутствии существенного положительного влияния приватизации на эффективность хозяйственной деятельности предприятий¹¹.

Одна из наиболее известных моделей приватизационного процесса объясняет рост эффективности приватизированных предприятий тем, что их менеджеры освобождаются из-под надзора «политиков», заинтересованных в сохранении избыточного объема занятости, и тем самым получают возможность сократить численность персонала до оптимального уровня. На практике же основной целью приватизации являлось перераспределение прав собственности в пользу близких к правительству экономических субъектов либо уста-

¹¹ См. напр.: Бурков С., Буркова С., Медведев В., Райков Г. «Чубайсовская приватизация». Реформа собственности в России: что дальше? – М.: ОПОО «Регионы России», 1999. – 86 с.; Васильев И.А. Политика и экономика: современные особенности их взаимодействия. – М.: Издательство Российской Национальной Академии Управления и Прогнозирования, 2002. – 352 с.; Нуреев Р.М. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России, 2001, №3. – С. 47 – 52. и др.

новление субъектами принятия политических решений непосредственного контроля за приватизированными предприятиями¹². Очевидно, что задача повышения эффективности работы предприятий явно отходила на второй план, в то время как ключевое значение приобретают вопросы обеспечения благоприятных для той или иной группы итогов приватизации и недопущения их пересмотра.

Итогом российской приватизации стало то, что её цели не были достигнуты. Доходы от приватизации составили всего 0,13 – 0,16% бюджетных доходов¹³. Результатом приватизации в совокупности с другими проводимыми реформами в стране стало снижение ВВП почти на 50% и значительное падение жизненного уровня основной массы населения.

Главным итогом российского варианта приватизации стала потеря государством доверия со стороны большинства населения. «Игнорируя интересы большинства населения страны, государство одновременно закрывало глаза на противоправное накопление капиталов»¹⁴. В итоге, лишь 2,7% населения поддерживали реформы государства¹⁵.

Итак, собственность оказалась в руках не тех субъектов, которые могут обеспечить наиболее эффективное ее использование, а тех, которые «в нужный момент» оказались достаточно близки к государственной власти, а именно, специальные группы интересов, образовавшиеся еще в Советской России (так называемые распределительные коалиции). Именно поэтому в России состоять в системе государственной власти стало заманчиво, прежде всего, из-за возможности выгодных условий получения собственности. Парадокс заключается в том, что традиционный принцип защиты прав собственности, соблюдение которого является необходимой предпосылкой развития рыночной экономики, в условиях свойственной для России власти-собственности может

привести к консервации неэффективной структуры собственности. Сохранение status quo отвечает интересам политически влиятельных экономических групп, выигравших от приватизации, но едва ли может служить основой успешного экономического развития.

В результате возникла ситуация, определяемая в теории «общественного выбора» как «конституционная анархия», в которой индивидуальные права – предмет прихоти политиков. В результате, не имея широкой общественной поддержки, власть встала на путь соглашений с другими, узкими по составу, но политически влиятельными, «особыми группами интересов», включая их наиболее влиятельных представителей в состав правящей группы. При господстве такой модели государства прямой целью управления является не повышение благосостояния подданных, а максимизация доходов правителя (в нашем случае – правящей группы).

Силовое и спонтанное перераспределение прав собственности действует так, чтобы возникшая система была удобна для извлечения этих доходов, а вовсе не для того, чтобы повысить эффективность использования ресурсов. И, тем не менее, любой порядок – специфицированные права собственности – благоприятнее для производства, чем анархия – не специфицированные права собственности. Однако представляется, что спецификация прав собственности в этом случае не может носить законченного характера. В России была приватизирована не только госсобственность, но и само государство, что означает приватизацию «группами интересов» функций защиты прав собственности и принуждения к выполнению договоров.

По сути, приватизация государственной собственности в целях построения «малого», но сильного государства привела к его ослаблению. Произошло сращивание государства с крупным капиталом. Среди наиболее распространенных форм подобного сращивания — переход ряда ключевых фигур из бизнеса во власть и обратно (Р.Абрамович, А.Чубайс, С.Дубинин, В.Сурков, М.Лесин — лишь наиболее громкие имена из длинного списка бизнесменов-политиков и политиков-бизнесменов). Еще более активно данный процесс протекает на региональном и муниципальном уровнях. Несмотря на свою молодость, наш бизнес в этом отношении обогнал многие страны, где такого рода сращивание имеет давнюю историю. Специфически российской

¹² Афонцев, С. А. Рыночные реформы и демократический процесс. – М., 2000. – 136 с.

¹³ Белов М.Т. Властная элита и процесс трансформации социальных институтов – Ростов на Дону: Рост. гос. эконом. унив., 2002. – С. 16.

¹⁴ Рывкина Р.В. Драма перемен. – М., 2001. – С.40.

¹⁵ Бызов Л.Г. Первые контуры постпереходной эпохи // Социс. – 2001. — №4. – С. 5.

формой общения лидеров большого бизнеса и высших должностных лиц государства является участие последних в советах директоров компаний, держателем акций которых выступает государство («Газпром», РАО «ЕЭС», «ЛУКОЙЛ», «Алроса», «Аэрофлот», «Транснефть» и др.)¹⁶.

Также в результате сращивания олигархических групп с государственным аппаратом возникли устойчивые барьеры во взаимоотношениях между властными структурами, с одной стороны, и широкими слоями населения и бизнеса - с другой. Это, в свою очередь, приводит к превращению общества в сообщество локальных групп, делящих страну на «своих» и «чужих».

Основные экономические, политические и социальные взаимоотношения в стране стали осуществляться через систему политико-административного рынка¹⁷, где господствуют неформальные нормы, носящие локальный и персонифицированный характер. Субъектами возникшего «гибридного» по форме и содержанию политико-бюрократического рынка выступают: государство (в лице «правлящей группы»), крупный бизнес, федеральная и региональная бюрократия¹⁸, что определяет наличие в России вертикального социального контракта. Через политический рынок вводятся правила, использование которых хозяйствующими субъектами приносит ту или иную выгоду игрокам политического рынка¹⁹. В связи с тем, что на российском «гибридном» политико-

бюрократическом рынке отсутствует представительство большинства граждан, представленное на нем меньшинство не заинтересованы в полной спецификации прав собственности, т. к. получают возможность в широких масштабах извлекать политическую ренту через механизмы перераспределения этих прав.

Проводимые в стране экономические и политические реформы привели к своеобразной двойственности государственного аппарата. В условиях происходящего в последний период восстановления внутреннего единства в рамках бюрократии, федеральная и региональная бюрократии вновь становятся частью единой иерархии. В результате можно говорить о формировании в России государства, базирующегося на своеобразной комбинации: власти экспертов и «наследственной монархии». Государство представлено как правящей группой в лице высшей бюрократии, пользующейся легитимностью в глазах значительной части населения, так и «наследственным монархом», который выбирается предшественником из числа приближенных и легитимизируется через систему управляемых выборов.

Итак, в России за годы рыночных реформ при заявленной ориентации на формирование «малого» государства «невидимой руки» встроенного в систему горизонтальных контрактных отношений, отечественное государство сохранило в модифицированных формах свои позиции автократора, строящего отношения с другими субъектами на принципах вертикального социального контракта. Как следствие этого – не завершена спецификация прав собственности, поскольку это позволяет правящей группе контролировать поведение других экономических субъектов и максимизировать свои выгоды. Именно поэтому интересы создания эффективного политического рынка, а значит, относительно полной спецификации прав собственности не являются приоритетными.

Статья поступила в редакцию 15.05.2010

¹⁶ Более подробно см.: Перегудов С.П. Корпоративный капитал и институты власти: Кто в доме хозяин? // ж. Полис. – 2002. – №5 // <http://www.politstudies.ru>

¹⁷ См.: Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. – М.: ОГИ, 2000. – 240 с.

¹⁸ См.: Соколова (Сурцева) А.А. Политический рынок России. // Социально-экономические преобразования в России: сб. трудов. – Кемерово, 2004. – С. 508 – 513; Левин С.Н., Соколова А.А. Проблемы общественного договора в экономических теориях государства Общественно-договорные механизмы формирования социально-экономических моделей рыночной экономики; под ред. М.В. Курбатовой. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 68-86.

¹⁹ Тамбовцев, В. Л. Институциональные изменения в российской экономике // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С. 44-53.